

Хромой Митя

В 1928 году был опубликован роман Ильфа и Петрова "12 стульев". Все одесские литераторы и причастные к литературе одесситы знали, кто прототип (и тезка) главного героя — Остап (Осиц) Шор. Но все же Бендер списан не с одного человека. Среди прочих упоминали и уже знаменитого в Москве Валентина Катаева, и совсем не знаменитого Дмитрия Ширмахера. Впрочем, все это было на словах и, бесспорно, пальма первенства принадлежит Остапу Шору.

А Дмитрий (он же хромой Митя) остался, в основном, в мемуарах, написанных уже в шестидесятые годы. Практически все указывают его роль в организации "Коллектива поэтов", где в 1920 году собирался будущий цвет южнорусской школы. Не как поэта, конечно, а как человека, умеющего устроить быт. Недаром же от его фамилии чаще всего остается вторая часть — "махер", делец по-одесски.

Впервые он попал на литературные страницы как один из героев стихотворных мемуаров — поэмы "Веселый странник", написанной Марком Тарловским в 1935-м, через год после смерти Э. Багрицкого. Поэма увидела свет лишь в 2009 году в книге М. Тарловского "Молчаливый полет", составленной Е. Витковским и В. Резвым.

Тарловский сделал то, за что перед автором преклоняются литературоведы и музейные сотрудники, — снабдил поэму комментариями. Учитывая, что фамилий автор не называет (собственно, тот же прием использовал спустя сорок лет и В. Катаев в повести "Алмазный мой венец"), а дает псевдонимы: "Дидель" — Багрицкий, "пегий лентяй", "сатирик пестрогубый" — Ильф, портреты: "как Бонапарт, он сам был всех мизерней" — намек на невысокого Юрия Олешу, упоминает факты биографий: "носил артиллерийские штаны" — В. Катаев, цитирует стихи или отсылает к названию книг: "лучи наследственных ассоциаций" — о повести Л. Славина "Наследник". В такой ситуации объяснения автора очень облегчают жизнь читателя (в отличие от ситуации с тем же катаевским "Алмазным венцом").

Один из комментариев к началу четвертой главы:

"В 3-й и 4-й строках подразумевается хромой человек, который был почти единственным организатором нашего коллектива, нашего питания, наших вечеров и т. д. На блатном (воровском) жаргоне, словечками из которого он любил пересыпать свою речь, "ксива" обозначает документ,

дающий право жительства, "линка" — паспорт на чужое имя, "кукла" — сверток, в котором якобы находятся деньги, или к. н. ценность".

Итак, первое появление нашего героя:

Здесь Дидель наш сидел, о рыбах грезя,
Как об излишествах Сарданапал,
Когда однажды к нам пришкандыбал
Безногий махер на своем протезе.

Тот махер был общественным бродилом,
Благодаря которому всходил
И опадал почтенный рой светил,
Приравненный к литературным силам.

Пришкандыбав, герр махер просюсюкал:
"Наш коллектив сорвал бы славный куш —
Нужна фальшивка, восемь мертвых душ,
Ксив по-блатному, линок или кукол"...

Дальнейшее действие необходимо предварить комментарием автора. "В коллективе поэтов появились чуждые нам люди, по существу графоманы, которые решили взять "власть" в свои руки, что было бы нам всем, а хромому "махеру", кормившемуся около этого дела, особенно неприятно. Единственным средством не допустить к рулю нежелательных людей было создание своего большинства на близившихся выборах правления. Для этого наш "махер" и придумал описываемый трюк. Багрицкий, которого мы подбили на участие в этой затее, отнесся к ней с добродушным сочувствием, считая, что для изгнания графоманов и для поддержания товарищей можно создать на один вечер несуществующих поэтов".

И, так как мы не поняли ни слова,
Он пояснил: "Мы обретем права,
Когда нас будет всех не двадцать два,
А тридцать, резолюция сурова.

Вы знаете, я как-никак пролаза,
И если надо, то сверлю как бур,
Но я споткнулся из-за этих дур
О круглую печать Губнаробраза.

Они уперлись, эти Соломонши:
— Куда годится поетариат,
Где двадцать два поэта, — говорят, —
Еще прослойки не бывало тоньше.

Вчера вот мы писали ассигновку
На клуб кожевников — так их семьсот!
Нет, тридцать — это минимальный счет,
Да и на тридцать выдавать неловко. —

Как вам понравятся такие типы?
Однако музам нужен же приют,
И если нам иначе не дают, —
Возьмем (тут он вздохнул) посредством липы.

Я, собственно, уже набрал ораву,
И не была бы роль моя тяжка,
Будь у меня на них по два стишка,
То есть, что требуется по уставу.

Бюрократической решили лапой,
Товарищи, поэзию прижать!
Но что за труд куплетов нарожать
Иль их состряпать, правда? Дидель, стряпай!"

Хихикнул Дидель: "Тот же для потехи
Был Меримэ использован прием.
Вот кельты с Макферсоновым враньем,
Вот с Краледворской рукописью чехи..."

Где западные, гей, твои славяне,
Балканских поджигатели кулис?
Мир обману я, Дидель-стихопис,
И гайдукам насочиняю дряни.

Кто первый?" — Счетовод. — "У счетовода
Должны быть амфибрахии про то,
Как хорошо не надевать пальто,
Когда стоит весенняя погода.

А кто второй?" — Таперша. — "У таперши
Должна быть хореическая дрель
О том, что вот апрель и карусель,
А он ушел, и ничего нет горше.

Кто третий?" — Адвокат. — "Из адвоката
Польются метры гностиков-пиит.
И, между прочим, течь им надлежит
Как можно более витиевато.

А кто четвертый?" — Шмара. — "В стиле шмары —
Спивать за блат, за зуктеров, за шниф,
За шибеников и за темный киф,
За шкары, сары, шары и бимбары.

А пятый кто?" — Голкипер. — "Ну, голкипер
Опишет через ухарский пеон,
Как "свечкою" потряс он стадион
И выиграл бы, если бы не триппер.

Шестой?" — Портниха. — "Музыки портнихе!
Пусть ейный обожаемый предмет
Лежит на пляже, будучи одет
В шикарный дактилический пиррихий.

Седьмой?" — Матрос. — "От имени матроса
Я паузником свежим изложу,
Как парусником резало между
Под свист холста, поставленного косо.

Кем кончим?" — Командиршей. — "Командирше,
Что маузер таскает на ремне,
Пришлись бы впору, думается мне,
Заливисто-частушечные вирши..."

Необходимые для понимания текста авторские комментарии: "Дрель — жаргонное южное слово, обозначающее выдумку, шмара на воровском жаргоне означает гулящую девку, блат — кражу, зуктер — любовника,

шниф — кражу, шибеник — висельника, темный киф — расправу арестантов с товарищем, шкары — брюки, сары — деньги, шары — глаза, бимбары — часы". И еще: "Багрицкий любил мистифицировать профанов, читая им стихи классиков и, между прочим, Языкова, под видом ученических опытов каких-то красноармейцев и т. д. Напыщенные неучи не раз попадались на эту его удочку".

Затем Митя (уже поименованный) возникает под пером художника — в мемуарах Евгения Окса "Клуб поэтов":

"Однажды она [Адалис] сказала: "Есть пустая буржуйная квартира — мы устроим там клуб поэтов..."

И вот она привела Ильфа и меня на улицу Петра Великого. В квартире был хозяин — Митя Ширмахер.

Он был хром, носил ортопедический сапог, лицо имел бледное, один глаз был зеленый, другой был желт. Опираясь на палку и хромя, он показал нам комнаты. Их было две, довольно обширных, обе с выходом на балкон. Двигаясь, он ласково ощупывал рукой шелковую обивку кресел и большие атласно-желтые портьеры. В комнатах сохранилась мягкая мебель и даже рояль. Мелких предметов, посуды, ваз не было — их начисто унесла волна эвакуации.

После нескольких предварительных условий, чтобы все расходы по квартплате и освещению оплачивались поэтами, с чем мы немедля согласились, Митя перешел к главному вопросу, прося совета у Музы [Адалис], из чего лучше можно сшить костюм — из занавесок или обивки. Поняв, какая угроза нависла над креслами, мы, после долгих дебатов и консультаций, видя, что отговорить Митю от задуманного не удастся, с болью в сердце остановились на занавесках. Через некоторое время действительно на Мите и его верном молодом адъютанте Юре появились баснословно ярко-желтые, блестящие френч и галифе, чем-то отдаленно напоминающие костюм какого-то XVII столетия.

Митя Ширмахер принадлежал к славному племени одесских комбинаторов. Я же прозвал его "хромой бес Тюркаре". Он в самом деле близок был героям Лесажа. Но пока что он был небезынтересным собеседником и гостеприимным хозяином. <...> Все правление без труда разместилось в удобных креслах зала. Здесь были поэтессы Аделина Адалис и Зинаида Шишова, Эд. Багрицкий, Юра Олеша, Илья Файнзильберг (Ильф), его брат художник Миша, Гриша Гуковский, конечно, наш хозяин Митя Ширмахер и его верный соратник Юра, и, наконец, моя скромная персона.

Вскоре в клубе стараниями Мити появился маленький бильярд, которым все увлеклись, за исключением, конечно, наших поэтесс. <...> Вскоре был устроен праздничный вечер — открытие Клуба. Фундаментальной основой был бочонок спирта, трофеем обменной операции Мити Ширмахера. Он обещал за него подошвенную кожу — некоему лейтенанту германской армии, но, зная, что час эвакуации вот-вот наступит, не торопился с ее доставкой. Дождавшись нужного момента, Митя буквально вырвал из рук немца заветный бочонок, обещая, что тележка с кожей находится за углом. Лейтенант бежал, догоняя свою часть, а трофеем — бочонок — Митя пожертвовал для открытия клуба.

Операция была в духе той эпохи. Такой бочонок имел мифическую стоимость. Блага доставались часто не вполне благовидными способами".

После такого демонического портрета достаточно прозаичны строки Сергея Бондарина:

"На улице Петра Великого помещался коллектив поэтов.

И вот здесь-то в те времена я познакомился с Митей, будущим прообразом Остапа Бендера. Литературный герой сатиры, ставшей популярной и знаменитой, заимствовал кое-какие черты от этого Мити, а кое-что от другого человека по имени Остап. Я знал их обоих.

Можно только дивиться, откуда у Мити, прихрамывающего на одну ногу, столько энергии и предприимчивости. Стихов он не сочинял и не декламировал чужих, но знался дружески со всеми пишущими, а главное — чего уж теперь скрывать — прихрамывающий, всегда улыбающийся Митя Махер чуть ли не с детских лет умело обдελывал свои делишки и охотно помогал другим — с той же ловкостью, что и его земляк и двойник — рослый рыжий, грубоватый Остап. Этот тоже не сочинял стихов, прибился он к поэтической братии заодно и вслед за своим братом поэтом Фиолетовым. <...>

Вернемся, однако, к хромому Мите.

Ловкач ухитрился занять обширную квартиру, наполненную обломками стильной мебели. Вселения в заброшенные квартиры в те годы случались нередко. С Митей поселился Багрицкий, которому наскучило жить в полутемной и вонючей квартире на Ремесленной улице у мамы. <...>

Группа "Зеленой лампы" — Багрицкий, Олеша, Зинаида Шишова — успешно перенесла сюда вкусы и манеры зеленой лампы — преданность Пушкину, истинно поэтическое бескорыстие...

Все это привлекало и очаровывало с первых же звуков голосов молодых и, право, вдохновенных. Стихи, стихи, стихи... И, конечно же, теперь

это ясно: нужно быть благодарным и Мите, и рыжему Остапу, безотказно принявшим на себя мелкие бытовые заботы — выхлопотать через нароб-раз несколько дополнительных пайков или достать стекло для окон, дрова, устроить горячие ужины для поэтов, выступавших по вечерам в кафе поэтов "Мебос", что значило "Меблированный остров".

И последнее упоминание — в книге Ростислава Александрова: "Это было летом 1920 года на той же улице Петра Великого, но в доме № 33, где бойкий околотитературный молодой человек, пописывающей изредка стихи под незатейливым псевдонимом Митя Агатов, занял, по обыкнове-нию того времени, пустовавший зал в квартире № 4. В 1928 году земля-ки-поэты узнали Митю в плутоватом агенте по распространению изданий Цеккомпома из повести Валентина Катаева "Растратчики".

Кто знает, гордился ли Митя таким литературным отображением, но говорят, что в среде одесских деловаров старики в шестидесятые-семи-десятые поминали "хромого то ли Митю, то ли Моноу, любившего назы-вать себя "великим комбинатором".

